

РОБЕРТ БЕРНС

(1759—1796)

215

КОРОЛЬ ГЕНРИ

В лобви наряд ли повезет,
Когда в запасе нет
Сердечности, учтивых слов
И золотых монет.

Всё это было у него —
У Генри-короля;
Вот как-то раз поехал он
Охотиться в поля.

Он гнал оленей и косуль,
Охотник молодой,
Пока отменного самца
Не поразил стрелой.

В лесной сторожке пировать
Охотники сошлись,
Как вдруг раздался ветра вой,
И стены затряслись,

И тьма к сидевшим за столом
Вползла через порог,
И заскулили в страхе псы
У королевских ног,

И ветер двери распахнул,
Их опер без ключа,
И мерзостная тварь вошла,
Ножищами стуча.

Сбежали все — осталась с ней
Король наедине;
Ее башка под потолок
Качалась в вышине,

Зубастая открыла пасть,
И как лопата — нос,
Сдается, эту злую тварь
Из ада черт принес.

«Дай мяса, мяса, мяса мне,
Не ела я три дня!» —
«О леди, я прошу — бери
Что хочешь у меня.

Любая здесь еда — твоя,
Садись и вволю ешь». —
«Коня гнедого своего
На мясо мне зарежь!»

Страшилищу скормить коня —
Нет хуже в мире зла!
Но только шкура королю
Оставлена была.

«Еще дай мяса — мне твоя
Понравилась стряпня!» —
«О леди, я прошу — бери
Что хочешь у меня.

Любая здесь еда — твоя,
Садись и вволю ешь». —
«Своих проворных серых псов
На мясо мне зарежь!»

Ах, было сердце короля
У горести в плену!
Но съела гадина собак,
Оставив шерсть одну.

«Еще мне мяса, мяса дай,
Еще, еще кусок!» —
«Но, леди, где мне мяса взять?
Я отдал всё, что мог.

А если мясо видишь ты,
Так покажи, изволь!» —
«Ты соколов своих зарежь
На мясо мне, король!»

Ах, как он соколов любил
За их отважный нрав!
Но съела соколов она,
Лишь перья не сожрав.

«Хочу я пить, я пить хочу,
Питья подай, питья!» —
«О леди, всё, что есть, тебе
Готов доставить я.

Чего ни пожелаешь ты,
Скажи мне — всё твое». —
«Ты шкуру конскую зашей,
В нее налей питье».

Он шкуру конскую зашил,
 Нашел в нее вина —
 Всё выпила одним глотком
 До капельки она.

«Постель мне постели, постель,
 Постель мне постели!» —
 «Тут нет постели, чтоб ее
 Тебе не отвели.

На чем ты хочешь поживать —
 На сене ль, на плаще ль?» —
 «Зеленый вереск принеси
 И приготовь постель».

И Генри вереску нарвал,
 Принес охапку в дом,
 Постель устроил на скамье
 И застелил плащом.

«Меня женою сделай ты,
 Женой, женой, женой!» —
 «Избави бог, чтоб это всё
 Произошло со мной!

Избави бог супругом стать
 Уродины жены
 И ложе брачное делить
 С отродьем сатаны!...»

Увидел утром солнца луч,
 Проникнув в дом лесной,
 Девичу — чудо красоты —
 Меж Генри и стеной.

«Я счастлив! Но надолго ль он,
 Прекрасный этот сон?» —
 Она ответила ему:
 «До самой смерти он!

Я волей мечехи моей
 Была, как зверь, страшна,
 Пока мои желанья ты
 Не выполнил сполна!»

ПРЕКРАСНАЯ ЭННИ

«Поуже стели себе ложе
 И спать приучайся одна:
 Я еду — мне за морем, Энни,
 Невеста с приданым нужна,
 Ведь ты не дала мне богатства,
 Ведь ты была, Энни, бедна.

Кто свадебный хлеб испечет нам,
 Кто сварит нам свадебный эль,
 Кто встретит с почетом и лаской
 Невесту из дальних земель?»

«Я свадебный хлеб испеку вам,
 Сварю я вам свадебный эль,
 Я встречу с почетом и лаской
 Невесту из дальних земель».

«Но та, кто, встречая невесту,
 Сворачивает старинный обряд,
 Должна и сама быть девицей,
 Одеться в девичий наряд».

«Ах, если представлось девицей,
Поистине я сопрешу:

Тебе семерых родила я,
Восьмого под сердцем ношу...»

...Взяв на руки сына-младенца,
Другого ведя за собой,
На башню вскарабкалась Энни,
Чтоб видеть ревуший прибор.

«Мой мальчик, вверх поднимайся
И зорко на море гляди,
Увидишь отцову невесту
На палубе первой ладьи».

«О мать, поскорее спускайся,
Не медли у края стены,
Спускайся, иначе на земле
Захочешь упасть с вышины».

И Энни спустилась пониже,
Чтоб встретить корабль с женихом,
Фок-мачта на нем и грот-мачта
Поблескивали серебром.

Чтоб встретить корабль с нареченной,
Спустилась она с высоты,
Фок-мачта на нем и грот-мачта,
Как золото, были желты.

Взяла сыновей своих Энни
И вышла, смирив естество,
Неверному лорду навстречу
И юной невесте его.

«Привет тебе в замке, лорд Томас,
Привет тебе в доме твоём,
Привет тебе вместе с невестой,
Входящей хозяйкой в твой дом.

Пусть бог сохранил тебя, леди,
Ты в новое входишь жильё,
В свои ты вступаешь владенья —
Здесь всё, что ты видишь, твоё».

«Слаибо, прекрасная Энни,
Тебе благодарность моя;
С сестрой моей схожа ты больше,
Чем все, кого видела я.

Заморский неведомый рыцарь
Похитил одну из сестер;
Земле, по которой он ходит,
И всем его близким — позор!»

И Энни платки разложила
У длинных столов там и тут,
Чтоб было чем вытереть слезы,
Как только они побегут.

Ах, элем и хлебом пшеничным
Она обносила столы,
Пила только чистую воду,
Чтоб щеки остались белы.

Ах, хлебом ржаным и пшеничным
Она обносила весь зал,
Лицо от людей закрывая,
Чтоб слезы никто не видал.

Взял Томас платок белоснежный,
 Лежавший недалеко,
 Слезу ее вытер небрежно,
 Стекавшую вниз по щеке.

«Ах, — вымолвил Томас с улыбкой
 Другьям и гостям без числа, —
 Кто лучше: прекрасная Энни
 Иль та, что сегодня пришла?...»

Когда отслужили молебен
 И церковь была заперта,
 Отправилась в опочивальню
 Молодоженов чета.

А Энни, в постели поодаль,
 Как в гробе, себя хороня,
 Рыдала: «О, горе мне, горе,
 Дожившей до этого дня!

Когда б сыновья мои были
 Семеркою крыс молодых,
 А я была б серою кошкой —
 Так я уничтожила б их.

Когда б они зайцами были
 Среди непролазной стерни,
 А я была б серой собакой —
 Недолго бы жили они».

В тоске и печали металась,
 И слезы струились рекой:
 «О, горе несчастному лорду!
 Беды не ждала я такой!»

И лорду сказала невеста:
 «Еще не легла я в кровать,
 Пойду и спрошу, кто заставил
 Несчастную так горевать».

«Скажи мне, прекрасная Энни,
 Какое гнетет тебя зло?
 Прокисло ль ячменное пиво
 Иль тесто в бадьях не взошло?»

Ты знаешь ли, милая Энни,
 Семейство свое и родство?
 Кто был твоей матерью, Энни?
 Как звали отца твоего?»

«Отцом моим был граф Уэмисс,
 Графиней была моя мать,
 Я к братьям и сестрам привыкла
 С любовью свой взор обращать».

«Отцом твоим был граф Уэмисс —
 Так, значит, моя ты сестра!
 Любимому вдоволь вручишь ты
 И золота, и серебра.

Прислушались вышние силы
 К рыданиям твоим и мольбе —
 Семь суден, груженных приданым,
 Я всё оставляю тебе
 И девушкой вспять возвращаюсь —
 Спасибо за это судьбе!»

Джонни Фаа, владыка Малого Египта

Цыгане к замку подошли,
Запели под каштаном,
И леди Кэссилис была
В восторге несказанном.

Ей растопили сердца лед
Волшебники-цыгане,
И уронила шелк она,
Иглу и вышиванье.

Она сбежала в сад — туда,
Где звякали гитары,
Цыгане встретили ее
И в ход пустили чары.

Она дала им добрый хлеб
И пиво цвета меди,
А Джонни Фаа получил
Кольцо с руки миледи.

«Пойдешь со мной, мой мед, мой свет,
Под небо голубое?
Клянусь ножом моим, твой лорд
Не будет впредь с тобою!»

«Снимите, слуги, шаль с меня
И дайте плащ попроще,
Я с Джонни Фаа ухожу
В леса, поля и рощи!»

Игрушки-туфли с ног сняла,
И с Джонни смуглокожим
Она пошла в далекий путь
Сквозь вереск, бездорожьем.

«Я с Джонни обойду весь свет
И вовсе не устану,
Я одолею все моря,
Плывя вслед цыгану!»

Они бродили день-деньской,
Они прошли немало,
Пока не стали на ночлег —
Но как она устала!

«Ах, ложе лорда моего
Сияло белизною,
А ныне я в траве лежу
И ворон надо мною».

«Попридержи язык, мой свет,
Молчи — клянусь луною,
Твой муженек, твой гордый лорд
Не будет впредь с тобою!»

Они бродили там и тут,
И низко, и высоко,
Пока не подошли к ручью,
Заросшему осокой.

«А ну, пригнись, мой мед, мой свет,
Пригнись-ка, моя радость,
Ты будешь лошадью моей,
А я верхом усядусь!»

«Я тут скакала, и мой муж
Хвалил мою отвагу,
И вот теперь ташу я вброд
Безвестного бродягу...»

...Лорд Кэссилис пришел домой,
Спросил он о супруге.
«Она с цыганами ушла», —
Так отвечали слуги.

«Гнедой мой конь не слишком скор —
Седлайте вороного.
Клянусь не пить, не есть, пока
Не буду с леги снова!»

Скакал он там, скакал он тут
На вороном проворном,
Пока не встретил у ручья
Жену с цыганом черным.

«О, как на ложе пуховом
Нам было сладко вместе!
Зачем ты с шайкой этой здесь
В унылом, диком месте?!

Вернись, мой мед, вернись, мой свет,
На вора не надейся,
Вернись — и спрячу я тебя
От злого чародейства!»

«О нет! Сварила пиво я,
Волшебное, хмельное,
Его я выпью — а тебе
Вовек не быть со мною.

И я клянусь, что с детства я —
Сама себе хозяйка,
Никто не властен надо мной —
Ни ты, ни эта шайка!...»

Пятнадцать молодых цыган,
Красивых, смуглолицых,
Свой век окончили в петле
Из-за одной блудницы.

РЫЦАРЬ ОВАЙН

Когда ее скончалась мать,
Отец женился на дрянной,
На худшей женщине из всех
Пришедших в этот мир земной.

Старалась девушка востро —
Топила печь, мела полы,
Но злая мачеха ее
С прибрежной сбросила скалы.

«Отныне здесь живи — и тут
Пусть беды все мои живут!
Пока не явится Овайн,
Чтобы тебя поцеловать,
Ни от кого, ни от чего
Тебе спасенья не видать!»

...Из уст ее зловонье шло,
И трижды вкрут большого пня
Обвиты косы были, — все
Ее боялись как огня.

На берег моря поспешил
Храбрец Овайн, узнав о том,
И там, не смея подойти,
Смотрел на чудиче с хвостом.

Из уст ее зловонье шло,
 И косы вкруг большого пня,
 Как змеи, трижды обвились...
 «О, поцелуй, Овайн, меня!
 Погибель перстень принесет!»

Вот королевский пояс — он
 Из моря мною извлечен;
 Мой талисман от тяжких ран
 И от невзгод тебя спасет,
 Но если хвост мой тронешь ты,
 Погибель пояс принесет!»

И он ее поцеловал
 И королевский пояс взял.

Из уст ее зловонье шло,
 И косы вкруг большого пня,
 Как змеи, дважды обвились...
 «О, поцелуй, Овайн, меня!
 Вот королевский перстень — он
 Из моря мною извлечен;
 Мой талисман от тяжких ран
 И от невзгод тебя спасет,
 Но если тронешь плавники,
 Погибель перстень принесет!»

И он ее поцеловал
 И королевский перстень взял.

Из уст ее зловонье шло,
 И косы вкруг большого пня
 Всего один раз обвились...
 «О, поцелуй, Овайн, меня!
 Вот короля печать — она
 Из моря мной извлечена;

Мой талисман от тяжких ран
 И от невзгод тебя спасет,
 Но если тронешь ты меня,
 Печать погибель принесет!»

Овайн ее поцеловал,
 Печать таинственную взял —
 И девы рот запах, как мед,
 Коса не оплетала пень,
 К Овайну дева подошла,
 Прекрасная, как майский день.
 «Любовь моя, — сказал Овайн, —
 Какой, ответь мне, лютый враг,
 Лесной ли волк, морской ли гад,
 Тебя обезобразил так?»

«О, недруг мой — не волк лесной,
 Не гад морской и не змея:
 Обезобразила меня
 Злодейка — мачеха моя.
 Да будет кара ей за грех
 Страшнее всех и горше всех,
 Да пропадет она с тоски,
 Да станут зубы, как клыки,
 Чтоб по-людски ни пить, ни есть,
 Да станут волосы как шерсть,
 Да будет ведьма в чаще жить,
 На четвереньках там ходить,
 Да будет вкруг нее зверье,
 Да не спасет никто ее!»

КОСПАТРИК

Коспатрик за море послал людей,
 Коспатрик послал за невестой своей,

И корабли Зеленой земли
К шотландскому берегу подошли.

Две дюжины были свитой морской,
Две дюжины были с пшеничной мукой,
Две дюжины — с хлебом печеным в мешках,
Две дюжины — с золотом в сундуках.

В шелка и в бархат наряжена,
Весь путь беспрепятственно рыдала она,
А Вилли-стреманный и ночью, и днем
Держался рядом с ее конем.

«Быть может, сползают подушки седла?
Быть может, дорога тебе тяжела?
А может, повод для слез иной —
Что ты Коспатрика будешь женой?»

«О нет, моей грусти не то виной,
Что я Коспатрика буду женой:
Мне горьких слез потому не унять,
Что я оставила добрую мать.

Но, юноша милый, поведай мне.
Какой обычай в твоей стране?»
«Обычай Коспатрика, так скажу,
Не может обрадовать госпожу.

Семь раз на принцессах он был женат,
Семь раз отсылал их в слезах назад,
Их ночью на ложе свое привлекал
И груди им поутру отсекал.

Но если ты раньше не знала мужчин,
Для страха и трепета нет причин;

А если твоя под угрозой грудь,
Найми служанку какою-нибудь».

И крикнула леди служанку свою:
«Пять тысяч марок тебе даю,
Если решишься в обличье моем
С Коспатриком ночь провести вдвоем...»

Когда отзвонили колокола
И ночь испытания в дом пришла,
Служанку с Коспатриком отвели
В спальню, где рядом они легли.

«А ну-ка, кровать, не таи от меня,
И ты, одеяло, и ты, простыня,
И ты мне ответь, мой надежный клинок,
С девицей ли я на ложе возлегу?»

«Да, девушка эта и впрямь чиста,
Да только девушка эта — не та,
У этой не смяты цветы чистоты,
Да только не с этой обвенчан ты!»

Коспатрик в гнев вскочил, как зверь,
Коспатрик в гнев захлопнул дверь,
И, пробежав через двадцать зал,
Он к матери в опочивальню вбежал.

«О, знал ли хоть кто-нибудь из христиан
Такое коварство, такой обман?!
Я девушке скромной сердце вручил —
И бабу с начинкою получил!»

«Слокойнее, сын мой, останься тут,
И пусть друзья тебя развлекут,

А я между тем пойду погляжу
На леди твою, на твою госпожу».

Старуха дородна была и сильна,
И двери с петель сорвала она:
«А ну-ка, скажи, от кого твой плод?
Кто он: слуга, или смерд, или лорд?»

«О, выслушай, мать, расскажу я тебе
О горестной, тяжкой моей судьбе.
Мы были сестры, нас было семь
Сестер прекрасных, известных всем.

Случилось всё это погожим днем,
Когда мы покончили с нашим шитьем;
Мы бросили жребий — кому из сестер
Идти за цветами в зеленый бор.

Увы, мне! Я младшей была в семье,
Но худшая доля досталась мне:
Мне жребий выпал идти туда —
Вот так и подкралась ко мне беда.

От старших сестер был наказ мне дан —
Рвать красивые розы и прятный тимьян,
Рвать красивые розы, омету рвать,
Чтобы цветами обрадовать мать.

И только я стала собирать цветы,
Юноша сказочной красоты,
Нарядно одет и нарядно обут,
Подобный принцу, явился тут.

И девушка ль я или нет — меня
Он там продержал до скончания дня,

И девушка ль я или нет — но мы
В лесу оставались до самой тьмы.

Он дал мне свою белокурую прядь,
Велел мне беречь ее и сохранять;
Он дал ожерелье — сказал, что спасет
Оно от несчастий и от невзгод;

Он дал мне кольцо золотое — его
Велел он беречь мне пуще всего». —
«И где же они, отвечай, не тай,
Сокровища редкостные твои?»

«О матушка милая, все они в том
Со мной неразлучном ларце золотом». —
«Что ж, дочка, сиди, дожидайся, — сейчас
Узнаю, к добру ли твой странный рассказ».

Оставив невестку вздыхать и рыдать,
Явилась к Коспатрику старая мать:
«А где ожерелье твое — талисман,
Который на случай беды тебе дан?

А где золотое колечко — его
Беречь я велела пуще всего?» —
«Всё это я в дар преподнес ввечеру
Прекрасной девице в заморском бору.

Но отдал бы я все владенья сполна,
Чтоб в эти покои явилась она,
Не пожалел бы и жизни земной,
Чтоб стала — хоть на день! — она мне женой».

«О сын мой, владенья свои пожалей,
Девушка эта под кровлей твоей;

И здравствуй на долгие времена:
Ты и красавица — муж и жена».

И тридцати не минуло дней,
Как мальчик здоровый родился у ней,
И схож был красивым своим лицом
С Коспатриком он — со своим отцом.

Коспатрик здравицу провозгласил,
Коспатрик крикнул что было сил:
«Закутайте леди мою в шелка!
В парном молоке искутайте сынка!!!»

Эппи Морри

Четыре и двадцать горцев из Кери
Примчались верхом, осадили замок,
Чтоб Эппи Морри украсть, потому что
Эппи идти не хотела замуж.

Мать ее тотчас из дому вышла,
Месяц светил на аллеи парка,
Но дочку она не могла увидеть,
Так их оружие сверкало ярко.

«Оставь меня, мама, оставь, не трогай,
Я девой была и останусь девой,
В Стратдоне нет человека такого,
Который меня бы женою сделал».

Эппи к седлу они прикрутили
И торопливо, как от погони,
Прямо к священнику поскакали
Быстро — как только могли их кони.

Они к священнику в дом вломилась,
Загомонили, грозя оружием:
«Ты обвенчай ее с Вилли — иначе
Мы по тебе панихиду отслужим!»

«Оставь меня, добрый старик, не трогай,
Я девой была и останусь девой,
В Стратдоне нет человека такого,
Который меня бы женою сделал».

«Оставь меня, Вилли, оставь, не трогай,
Гибелью мне не грози напрасно:
Вас обвенчать не могу и не смею,
Если девушка не согласна».

Снова Эппи они схватили,
Крикнули: «Черта ли нам в законе!» —
И прискакали, примчались в Кери
Быстро — как только могли их кони.

Там, торопясь, отслужили мессу,
И без поа их благословили,
И проводили к брачному ложу
Молодоженов — Эппи и Вилли.

«Оставь меня, Вилли, оставь, не трогай,
Не прикасайся ко мне, немилый,
Прежде чем я невинность утрачу,
Я с тобою померюсь силой».

Чепчик она сорвала, швырнула,
Встала пред Вилли, готова к бою:
«Прежде чем я невинность утрачу,
Я до утра буду биться с тобою!»

Долгая, долгая ночь миновала,
Утренний свет засиял, и вскоре
Девушка к ним распахнула двери
И поздоровалась с Эппи Морри:

«Здравствуй, женщина молодая!
Встань, и вина мы отведаем вместе». —
«Девушкой можешь назвать меня ты,
Я, как и ты, не теряла чести».

«Вилли, себя на постели брачной
Ты не сумел показать мужчиной,
Стала б девица твоей женою,
А ты оставил ее невинной».

«Оставь меня, леди, оставь, не трогай,
Я девой была и останусь девой,
В Стрэдне нет человека такого,
Который меня бы женою сделал».

Тут Бедборлей появился в спальне,
Весь, как на бой, обвешан оружием:
«Едем домой ко мне, Эппи Морри,
Я тебе буду хорошим мужем!»

«Вилли, ступай, коня приведи мне,
Будь ты мужчиной хоть в этом деле
Во славу девственной Эппи Морри,
Неузвимой в брачной постели.

Лунный фонарь качался в небе,
Солнце на Запад ушло, за скалы;
А Джону Форсайту стоить лишь свистнуть —
Я бы сама к нему прискакала!»

Юный Джонстон

Полковнику юному Джонстон сказал,
Вино попивая хмельное:
«Когда б на моей ты женился сестре,
Твою бы я сделал женою».

«О нет, на сестре я твоей не женюсь
За земли твои и поместья;
Но с ней на досуге я вовсе не прочь
Побыть, как с любовницей, вместе.

О нет, на сестре я твоей не женюсь
За золото и за богатство,
Но буду, пока отдыхаю я здесь,
С твоею сестрой забавляться».

У юного Джонстона добрый был меч,
Короткий, острокопечный,
И Джонстон обидчика им поразил,
И тот замолчал навечно.

А Джонстон в покои сестры побежал,
Помчался, подобно оленю.

«Как долго, о брат мой, в отлучке ты был,
Дивлюсь твоему промедлению». —
«Я в школе замешкался — там школяров
Учил я согласному пению».

«Мне нынешней ночью привиделся сон —
Не знаю, к добру или к худу:
Мой юный возлюбленный мертвым лежал,
Тебя же искали повсюду».

«Пускай меня ищут, по следу бегут —
Лежит бездыханным полковник,

Его я вот этим мечом заколол,
А был твоим милым покойник».

«Когда ты и вправду его заколол
И тем обездолил меня ты,
Хотела бы я, чтоб повешен ты был,
Чтоб ты не ушел от расплат!»

И Джонстон к любимой своей побежал,
Помчался, подобно оленю.

«Как долго, о друг мой, в отлучке ты был,
Дивлюсь твоему промедлению». —

«Я в школе замешкался — там школяров
Учил я согласному пеню».

«Мне нынешней ночью привиделся сон —
Не знаю, к добру или к худу:

Мой брат окровавленный мертвым лежал,
Тебя же искали повсюду».

«Пускай меня ищут, по следу бегут —
Лежит бездыханным полковник,

Его я вот этим мечом заколол,
А был твоим братом покойник».

«Когда ты и вправду его заколол,
Меня эта весть сокрушает;

Но смерть его меньше тревожит меня,
Чем месть, что тебе угрожает.

Войди — чтоб уснуть и беду переждать,
Не сядешь укрыться спокойней,

Я буду сидеть у окна и стеречь,
Чтоб ты не столкнулся с погоней».

В постели возлюбленной, в спальне ее
Не пробыл он и полчаса —
Две дюжины всадников были внизу,
Отряд легконный примчался.

«О леги, ты сверху глядишь из окна
И видишь, наверно, много;
Приметила ль рыцаря ты на коне,
Слепившего этой дорогой?»

«А цвета какого был пес беглеца?
И цвета какого был сокол?
И масти какой был могучий скакун,
Примчавший его издалека?»

«Был весь окровавлен и сокол его,
И пес окровавлен рычавший;
Но снега белее был гордый скакун,
Его от погоня умчавший».

«Да, красного цвета был пес беглеца,
Да, красного цвета был сокол,
И был белоснежным могучий скакун,
Примчавший его издалека.

Но спешитесь, сойдите с коней, господа,
Вот хлеб и вино — подкрепитесь,
Когда его конь так силен, то уже
За Лайн переправился витязь».

«Спасибо за хлеб тебе и за вино,
Но всем нам пора торопиться,
Я б трижды три тысячи фунтов отдал,
Чтоб схвачен был подлый убийца!»

«Лежи, мой любимый, спокойно лежи,
Усни, — обманула врага я,
Уже далеко он, а начеку,
Тебя от беды сберегая».

У юного Джонстона добрый был меч,
Короткий, острокопечный,
И Джонстон пронзил им бедняжку Эннет,
Склоненную к другу беспечно.

«На что, о мой Джонстон, прогневался ты?
За что мне беда эта злая?
Приданое матери, деньги отца,
Себя — не тебе ль отдала я?»

«Живи, доживай, моя леди, лови
Последние жизни мгновенья;
Сюда ни один из шотландских врачей
Не явится для исцеленья!»

«Да, смерть моя близко! Ты видишь и сам:
Уже мои руки ослабли,
И мне на колени из раны в груди
Кровавые падают капли.

Возьми мою лютню, садись на коня,
И там, на равнине унылой,
Ты сможешь играть безмятежно и петь,
Забыв о загубленной милой...»

Он вывел коня, но еще не успел
В седле поудобней усесться,
Как двадцать четыре разящих стрелы
Со свистом вошли в его сердце...

Случилось это в Мартынов день,
Когда замело пути;
Сказал своим людям Кровавый Кар:
«Нам надо приют найти».

(Ох, тошно, тошно, хоть помирай,
Тоскуют душа и плоть,
Ох, самая гошная из ночей,
Помилуй меня, господь!)

«Ура, капитан, куда хочешь, правь,
А мы — за твоим конем!» —
«Мы в замок двинемся, в Крэйкенбро,
Уж там-то мы отдохнем.

Прекрасный замок — богаг, велик
И в крепкий камень одет,
И леди-красотка сейчас одна —
Хозяйина дома нет».

А леди глядела в тот самый час
В поля с крепостной стены
И вдруг увидала: к замку несут
Всадников скакуны.

«Взгляни, конюший, взгляни, капеллан,
И ты, дворецкий, взгляни:
Я вижу, как скачет много людей,
И думаю — кто они?

Быть может, супруг ненаглядный мой
Домой прискакал наконец? —
Но это был Кар, вероломный Кар,
Предатель, убийца, лжец.

И только был к ужину стол накрыт
И молитвы вознесены,
Как спешили Кар и его отряд
У крепостной стены.

«Сдавайся, леди! И я клянусь:
Мы ночь проведем вдвоем,
Ты будешь моею, а поутру
Хозяйкой войдешь в мой дом».

А старшего сына в озноб и в жар
Постыдный бросал испуг;
Сказал он: «О мать, покорись ему,
Иначе нам всем каюк!»

«Я лучше умру, но за честь и дом
Сражусь из последних сил,
И пусть христианский узнает мир,
Что женщину Кар убил!

Подайте сюда пистолеты мои,
Подайте ружье сюда,
И я застрелю кровавого пса,
Не ведающего стыда!»

И леди, не дрогнув, стала стрелять
Из пистолетов своих,
Но пули, предателя миновав,
Прикончили трех других.

«Я долг исполняю, — сказала она, —
Я крест до конца несу,
Ни лорду, ни смерду я замок не сдам,
Ни Кару, кровавому псу.

От Кара я требую, чтобы он
Заглянул измены грех:
Пушкой уцелеет мой старший сын,
Наследник владений всех».

«Слустите мальчишку вниз со стены,
Закутавши в простыню,
Я парня на руки сам прииму
И сам его сохраню».

Так вымолвил Кар и вновь согрешил,
Как всю свою жизнь привык:
У мальчика вырезал сердце он
И вырвал из уст язык.

Да, вырезал сердце он и язык
И всё завернул в платок,
Швырнул — и кровавый комок упал
У материнских ног.

«Будь проклят, убийца, безбожный Кар,
Ты смертный содеял грех:
Тобою мой первенец был убит,
Наследник владений всех».

Тогда сказал ее младший сын:
«О мать, покорись ему!
Оружье сложи и отдай ключи —
Наш замок в огне, в дыму».

«Всё золото я б отдала свое,
Чтоб кончился этот бой,
Чтоб западным ветром огонь и дым
Развеяло над тобой».

И леди в спальню прошла — а там
Уже загорался пол,
И детям вымолвила она:
«Молитесь! Конец пришел».

Старик-дворецкий, седой как лунь,
Сказал, поглядев в окно:
«О леди, всё кончено, мы в кольце,
Погибнуть нам суждено».

...Лорд Гамильтон ночью тревожно спал,
И он увидал во сне,
Что дома убита его жена
И замок его в огне.

«Эй, воины, живо седлайте коней!
Эй, слуги мои, ко мне!
Мне снилось, что кто-то убил жену,
А замок горит в огне».

И рыцарь немедля вскочил в седло,
И вихрем помчался конь,
Но дрогнуло гордое сердце его,
Когда он узрел огонь.

И он прогрубил в голосистый рог,
К нему приложив уста,
И двести Гамильтонов гурьбой
Слепились у моста.

«О, если б нынешнюю беду
Я мог бы узнать вчера,
Вагага разбойничья не ушла б
От плахи и топора!»

Будь проклят, убийца, Кровавый Кар,
Ты смертный содеял грех,
Тебе расплатиться за кровь и смерть
Не хватит владений всех.

Уж если не мог ты не убивать,
Так взял бы ты жизнь мою,
Не тронув злодейской своей рукой
Жену мою и семью!»

ЖИЛ КОГДА-ТО В ЭБЕРДИНЕ ...

Жил когда-то в Эбердине
Человек, не хуже всех,
Был не стар, умен отменно,
Да страшон, как смертный грех.

И девицы, для которых
Он порой из кожи лез,
За уroda выйти замуж
Отказались наотрез.

И тогда решил он сделать
Предложенье глупой Мэг:
«Тут упрасивать не надо, —
Думал этот человек. —

Нет богатства у девчонки —
Только косы да глаза:
Золото — густые косы,
И глаза — как бирюза.

Вот ума — совсем негусто,
А известно, что его

В лавке у купца не купишь,
Не займешь ни у кого».

Он посватался, и сразу
Получил согласие он
И домой шага направил,
В размышленья погружен:

«Мэг безозгла, но красива,
Я урод, но башковит,
Свойства лучшие обоих
Наш союз соединит:

Наши дети, без сомненья,
Красотою будут в мать,
А в меня — умом могучим,
Мне ж ума не занимать!

Дети будут прямо чудо
По уму и красоте;
Не было такой удачи
Ни одной еще чете!...»

Дети родились, однако,
Ожиданья вопреки,
Страхолодные — в папашу
И в мамашу — дураки!

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Отец мне на хозяйство дал
Лишь одного коня;
Я беден был, но сметкой бог
Не обделил меня:

К чему пустые закрома,
Амбары да подклети?
Наймусь-ка лучше к лорду в дом,
К его пригожей леди.

Я ей посланье написал,
Его я начал так:

«Сударыня, я в вас влюблен,
И то, что я бедняк,
И то, что я подчас живу,
Вздыхая об обеде,
Не помешает мне служить
Моей прекрасной леди».

И мне ответила она:

«Не скромничай, дружок,
Ты мог бы сам прийти ко мне
И всё сказать бы мог;
Ты мог бы сам прийти ко мне,
Уверенный в победе,
Рога б наставить лорду мог
С его красивой леди».

Она деньгами мой кошель
Набила до полна,
И я впервые вкус узнал
Господского вина;

Но вот я перетрусил так,
Как никогда на свете:
Хозяин в спальню постучал,
Когда я был там с леди.

Она, впихнув меня под ступу
И плед накинув свой,
Любезничала с ним, а я
Сидел едва живой;

Ушел он — я же, впопыхах,
Как был, в хозяйском плеле,
Удрал — и больше не видал
Мою красотку-леди!

РАЗНОСЧИК

Разносчик стучит неучтиво,
Вопит он и входит в раж:
«Хозяйка, не пить тебе пива,
Коль деньги мои не отдашь!»

В подвал я его пригласила
И дверь изнутри заперла,
Платила ему что есть силы,
Выкладываясь как могла.

Когда кредиторы — нахалы,
А денег нет ни копейки,
Хозяйки, идите в подвалы,
Рассчитывайтесь, как я.

Вот верное средство, красотки,
Поправить делишки свои,
Его я узнала от тетки —
Мудрейшей из нашей семьи.

Разносчик прижимист и жаден,
Но я-то — я тоже хитра,
И, право, он будет внакладе,
Когда завершится игра.

Пусть ходит — мне долг мой не страшен,
А ежели дверь заперта,
Пусть к леди он явится нашей —
И леди оплатит счета!

РИЧЧИ СТОРИ

Трех дочек-красавиц граф Вайтон взрастил,
Ах, боже, как были они хороши!
У старшей девицы — поместье и дом,
Она же влюбилась в слугу своего.

Вот шла она берегом тихой реки,
Ах, боже, была она так хороша!
Увидела Риччи, слугу своего,
С красивыми лентами на рукавах.

«С посланьем от графа спешу я, мадам,
Письмо вам от графа несу я, мадам,
Граф Хьюм ждет ответа на это письмо,
Готов он служить вам усердно, мадам!».

«К чему его письма? — сказала она. —
К чему его служба? — сказала она. —
Ведь слово дала я и слово сдержу,
Что буду твоею и больше ничьей».

«Зачем же вы так говорите, мадам,
Зачем надо мною смеетесь, мадам,
Ни золота нет у меня, ни земель,
Так можно ли жить вам со мною, мадам?»

«О Риччи, я буду где хочешь с тобой,
О Риччи, я буду где скажешь с тобой,
И стану я ждать, чтоб меня ты позвал,
О Риччи, чтоб я была вечно с тобой!»

Когда через Старлинг промчались они,
Ах, боже, была она так хороша!
Глазели зеваки на шелковый шлейф,
На Риччи ж никто из людей не смотрел.

Когда Эдинбург проезжали они,
Ах, боже, была она так хороша!
Вельможи мечтали ей сердце вручить,
Не зная, что Риччи она отдана.

Когда же к свекрови явились они,
Ах, боже, была она так хороша!
Сказала свекровь: «Подоткните подол
И в хлеве навоз разгребите, мадам!»

Скажите, неужто не жаль вам, мадам,
Ответьте, да разве не жаль вам, мадам,
Что дом в Камберленде покинули вы
И в доме слуги поселились, мадам?»

«О чем мне жалеть? — отвечала она. —
И что мне терять? — отвечала она. —
Я то обрела, что Судьба мне дала,
И то, чего жаждало сердце мое».

СМУГЛЫЙ РОБИН

Король с дворянами сидел
За пиршеством хмельным,
И он велел, чтоб дочь его
Прислуживала им.

То в погреб бегала она,
А то обратно, в зал,
Сама ж глядела за окно,
Где Смуглый Робин ждал.

Она в светлицу поднялась
И села у окна,
И, в руки лютню взяв свою,
Запела так она:

«Как птицы сладостно поют
В родительском саду!
О, как нетерпеливо я
Свиданья с милым жду!»

«Когда и впрямь я мил тебе
И впрямь правдива песнь твоя,
Скажи скорей: когда в твоей
Светлице буду я?»

«Когда вина напьются влады
Король-отец и знать,
Тогда готова буду я
Любовь твою принять».

Она привратнику вино
Несла за жбаном жбан,
Покуда страж не захрапел,
Напившись, как кабан.

Тогда она украла ключ
И завершила план...
И ночь ушла, и солнце к ним
Пришло с началом дня,

И Смуглый Робин ей сказал:
«А не найдут меня?»
«О, я сумею, Робин мой,
Предотвратить беду:

Схитрив, тебя я привела,
Схитрив, и уведу».
В отцовский погреб, торопясь,
Направилась она,

В большую чашу налила
Отменного вина
И с нею встретила отца —
А был он вполпьяна.

«Я эту чашу, дочь моя,
Не отдал бы за те
Все вина в бочках там, внизу,
В подвальной темноте!»

«Да провались оно совсем —
Вино и погреб весь!
Мне запах голову кружит,
Я быть не в силах здесь».

«Ну что же, дочь моя, иди
И ветром подыши,
Возьми служанок и ступай,
Гуляй в лесной тиши».

А чванный страж проговорил
(Дай бог ему невзгод!):
«Пускай служанки в лес идут,
А леди не пойдет».

«Служанок много у меня,
Не меньше сорока,
Но не отыщет ни одна
Заветного цветка».

Она в светлицу поднялась,
И с головы до пят
Был Смуглый Робин вмиг одет
В девический наряд:

Под цвет травы красивый плащ
И, на ногах легки,
Из мягкой кожи башмаки
И тонкие чулки.

Упротий лук под плащ ее
Вошел едва-едва,
Кинжал был спрятан на груди,
А стрелы — в рукава.

И вот, когда они пошли
Из замковых ворот,
Проговорил надменный страж
(Дай бог ему невзгод!):

«Мы девушки, идущих в лес,
Пересчитаем тут
И вновь пересчитаем их,
Когда назад придут».

Так Робин, ночью в дом войдя,
Из дома вышел днем.
«А ведь девица недурна!» —
Сказал король о нем.

И майским днем они ушли
В леса, в луга, в поля
И не вернулись никогда
В хоромы короля.

НАСЛЕДНИК ЛИННА

О господа, откройте уши,
Сейчас я песню вам спою

О том, как лорд, наследник Линна,
Беспечно начал жизнь свою.

Мать выросла в семье знатном,
Отец достойным лордом был,
Увы, они ушли на небо,
А он весельчаков любил.

И шли разгульные попойки,
Пир с заката до утра,
А лучшей для него усладой
Была картежная игра.

Он хохотал, кутил, резвился,
В забаву деньги превращал
И не копил, а только трагил —
Тут и король бы обнищал.

Так лихо жил наследник Линна,
Пока совсем не сел на мель,
Настало время для продажи
Угодий, замков и земель.

В его семье слуга был хитрый,
Который, жадя перемен,
Добылся денег и богатства, —
Его прозвали Джон Безмен.

«Не унывай, наследник Линна,
Ведь я, покорный твой слуга,
Тебе дам золота и денег
За пашни, земли и луга».

«Увы, то золото, что было,
Теперь в руках других людей;

Дай, Джон, мне денег — а за это
Моими землями владей».

И Джон Безмен составил запись,
Где всё учел и указал;
Увы, на каждый фунт уплаты
Земли он на три фунта взял.

Он деньги выложил охотно,
Он рад был сделке без потерь:
«Тебе — монеты, мне — поместья,
Я Линна властелин теперь!»

Так продал всё наследник Линна,
Всё оптом, до клочка земли,
Всё, кроме нищенской лачуги,
Стоявшей от людей вдали.

Ему отец твердил пред смертью:
«Ты к жизни праведной негож,
Ты промогаешь все владенья,
Всё золото ты проживешь».

Но этот дом не продавай ты,
Клянись Спасителем Христом;
Когда тебя весь мир оставит,
Найдешь ты друга в доме том...»

«Друзья, — сказал наследник Линна, —
Я вновь богат, давайте пить,
Тому век не знать веселья,
Кто золото привык копить».

Так было пропито без меры,
Без счета золотых монет;

Дай, Джон, мне денег — а за это
Моими землями владей».

И Джон Безмен составил запись,
Где всё учел и указал;
Увы, на каждый фунт уплаты
Земли он на три фунта взял.

Он деньги выложил охотно,
Он рад был сделке без потерь:
«Тебе — монеты, мне — поместья,
Я Линна властелин теперь!»

Так продал всё наследник Линна,
Всё оптом, до клочка земли,
Всё, кроме нищенской лачуги,
Стоявшей от людей вдали.

Ему отец твердил пред смертью:
«Ты к жизни праведной негож,
Ты промогаешь все владенья,
Всё золото ты проживешь».

Но этот дом не продавай ты,
Клянись Спасителем Христом;
Когда тебя весь мир оставит,
Найдешь ты друга в доме том...»

«Друзья, — сказал наследник Линна, —
Я вновь богат, давайте пить,
Тому век не знать веселья,
Кто золото привык копить».

Так было пропито без меры,
Без счета золотых монет;

И вот всё золото исчезло,
Глядь — а друзей-то нет как нет.

В карманах пусто; три монетки
Всего осталось из добра:
Одна свинцовая, другие —
Из меди и из серебра.

«Увы, — сказал наследник Линна,
Во всем я виноват один,
Я мог бы обойтись без денег,
Когда принадлежал мне Линн.»

Но у меня друзей немало,
Чего бояться мне беды?
У всех займу я понемногу
И тем избавлюсь от нужды!».

Один дружок большим сказался,
Другой и сам был весь в долгу,
А третий прочь прогнал, промолвив:
«Кормить лентяев не могу!».

«Увы, — сказал наследник Линна, —
Выходит, я же виноват?
А ведь друзьям жилось неплохо
В те дни, когда я был богат!

Мне стыдно кланяться подавье
У тех, кто пил мое вино.
Работать я не научился,
Красть и разбойничать грешно.

Пойду-ка, по отцову слову,
В тот дом, к безлюдным тем местам:

Когда меня весь мир оставил,
Найти я должен друга там».

И поспешил наследник Линна
Через болота напрямиком
В уединенную долину,
В отцовский обветшалый дом.

Вот он пришел и огляделся,
Ища удобства и уют,
Но голы, пусты были стены,
И так тоскливо было тут!

Напрасно свет дневной стремился
Вонутрь, в жилище вход ища, —
Окошки низкие, слепые
Исчезли в зарослях плюща.

Ни стула, ни стола, ни лавки,
Ни очага, ни тюфяка,
И только мрачно и зловеще
Петля свисала с потолка.

К петле приколота записка,
А в ней написаны слова:
«Ты золото свое растратил,
Бездельник, жертва мотовства!

Твое безделье и беспутство
Давно предвидел я — и вот
Твой верный друг, — он от позора
И от стыда тебя спасет!».

Был поражен наследник Линна,
Заробный прочитав упрек,

И сердце от вины забилось,
И щеки стыд ему обжег.

И застал наследник Линна,
Постигнув пагубность утраг:
«Да, по душе мне друг пеньковый,
И с ним я побрагагьясь рад!»

Он голову просунул в петлю,
Всем телом на нее налег,
Упал — и в тот же миг увидел,
Как расступился потолок.

Он чуть не умер от испуга,
Но был он все-таки живуч;
Очнулся — вновь пред ним записка,
И золотой в записке ключ.

И вот из нового посланья
Узнал он место тайника,
В котором спряганы надежно
Вместительных три сундука.

Два были с золотом червонным,
А третий полон серебра,
Бумага рядом, на бумаге —
Следы отцовского пера:

«Еще раз, сын мой, повторяю:
Живи как должно на земле,
И если прошлое не бросишь,
Окончишь жизнь свою в петле!».

«Отец, — сказал наследник Линна, —
Я слово здесь тебе даю,

Что я исправлюсь — а иначе
В петле окончу жизнь мою».

Поклялся так наследник Линна
И прочь пошел от этих стен,
Шагал он торопливо к дому,
Где жил мошенник Джон Безмен.

Глядел тот важно, по-господски,
И спеси было в нем полно,
А за столом сидели лорды
И пили крепкое вино.

«Я рад, мой добрый Джон, что вижу
Тебя с достойными людьми;
Прошу тебя об одолженье:
Хоть сорок пенсов мне займи».

«Ступай отсюда прочь, бездельник,
И покорись своей судьбе;
Да буду я отвержен богом,
Когда хоть пенни дам тебе!»

Тогда сказал наследник Линна
Не Джону, а его жене:
«О леди, будьте милосердны,
Хоть что-нибудь подайте мне».

«Ступай отсюда! Я не стану
К подачкам нищих приучать;
А если вешать оборванцев,
То надобно с тебя начать!»

Но произнес один из лордов,
Что за столом у Джона пил:

«Эй, обернись, наследник Линна,
Ты, помню, добрым лордом был.

Ты был радушным, щедрым малым,
И это не забыли мы —
Тебе дарю я сорок пенсов
И столько же даю взаимы.

Ты, Джон, давай ему отныне
Вино и место у стола:
Ведь ты скупил его владения,
И сделка выгодной была».

А Джон Безмен ответил злобно,
В торгашеский впадая пыл:
«Да буду я отвержен богом,
Коль не в убыток я купил!

Я говорю, наследник Линна,
Тебе и этим господам,
Что я дешевле на сто марок
Обратно всё тебе отдам».

И тут сказал наследник Линна:
«Составьте, как велит закон,
Об этой новой сделке запись,
А вот и деньги, добрый Джон!»

Упал на стол с веселым звоном
Битком набитый кошелек,
И Джон Безмен, обаятый горем,
Ни слова вымолвить не мог.

Швырнул наследник Линна деньги:
«Ты, Джон, их должен сосчитать,

Тебе — монеты, мне — поместья,
Я Линна властелин опять!

А ты, что за меня вступился,
Ко мне сочувствие храня, —
Возьми обратно сорок пенсов
И сорок фунтов от меня».

«Увы, — заохала хозяйка, —
На горе мне такой обмен:
Вчера был „леди Линн“ мой тигун,
А нынче — „госпожа Безмен“».

«Прощай, — лорд Линн сказал Безмену. —
А если снова, на беду,
Решу свои продать я земли,
К тебе я, Джон Безмен, приду...»

МАТЕРИНСКОЕ ПРОКЛЯТЬЕ

«Коня ячменем накормите
И жареным мясом — слугу,
Сегодня к воротам любимой
Подъеду я, если смогу».

«О сын мой, останься со мною,
Останься со мною, молно,
И самую лучшую в доме
Постель я тебе постелю».

«Не тянет меня ни к постели,
Ни к отчему очагу —
Сегодня к воротам любимой
Подъеду я, если смогу».

«Взвешивай и вникни в суть».

«Останься, о Вилли, останься,
Останься со мною, сынок,
И я напою тебя пивом,
Тебе испеку я пирог».

«О мать, не тянись я к застолью,
Ни к пиву, ни к пирогу —
Сегодня к воротам любимой
Подведу я, если смогу».

«Что ж, если не хочешь остаться
Ты дома хоть на ночь одну,
Молись, — ибо Клайд разольется,
Когда я тебя прокляну!..»

... Скачал он, спешил к переправе,
Где Клайд разъярившийся выл,
Рев Клайда, неистовый, буйный,
И войско бы остановил.

«О Клайд, пощади и помилуй,
Позволь в твои воды войти,
А если нужна тебе жертва —
Сгуби на обратном пути!»

Вперед и вперед продвигаясь,
Захлебываясь в глубине,
Теченье реки одолел он
И вышел на той стороне.

И вот наконец он, усталый,
Стоит у заветных дверей:

«Открой мне, любимая Мэгги,
Засов отодвинь поскорей,
Я вымок в реке и под ливнем —
Впусти меня и обогрей!»

«Я дверь никому не открою, —
Она отвечала во сне, —
Мой милый меня обнимает,
Другого не надобно мне».

«Впусти меня, милая Мэгги,
Скакал я издалека,
Проклятые на мне — и потопит
Меня этой ночью река».

«Все комнаты заняты, путник,
В одной джентльменов полно,
Другая наполнена сеном,
А в третьей хранится зерно».

... Проснулась прекрасная Мэгги,
И был ее голос как стон:

«Приснился мне сон непонятный —
Да будет к добру этот сон!
Мне снился мой милый, мой Вилли,
Был бледен и пасмурен он».

«Лежи, не ворочайся, дочка,
Укройся и спину мне грей;
Еще не прошло получаса,
Как он отошел от дверей...»

«Эй, Вилли, вернись, мой любимый!»
Но крик ее ветер сносил,
А Вилли скакал к переправе,
Где Клайд разъярившийся выл,
Рев Клайда, неистовый, буйный,
И армию б остановил.

Всё выше, бурля и беснуясь,
Его обступала вода,

А Вилли всё ехал и ехал —
И в Клайде исчез навсегда.

Не видели Вилли отныне,
Нашли только плащ да седло.
Не видели больше и Мэгги,
Лишь ленту волной принесло.
И птицы кружились над Клайдом,
Над Клайдом, содеявшим зло.

«Ужас, — слыла не слышавшая, —
Вы армя муть не муть сдвинули,
Меняли, — это Клайд расстрелял,
Клайд в горах пропал, —

Сказал он, Сказал, —
Теперь Клайд разлетелся в небо,
Рез Клайда, —
И козла бы —

«О Клайд, —
Почему в горах пропал,
А если в горах пропал, —
Случайно, —

Вспомни и вспомни, —
Забывавшая в горах,
Теперь разлетелся в небо,
И в горах пропал, —

И в горах пропал, —
Случайно, —
Случайно, —
Забывавшая в горах,
И в горах пропал, —

Вспомни и вспомни, —
Забывавшая в горах,
Теперь разлетелся в небо,
И в горах пропал, —

Уильям Вордсворт

(1770—1850)

Последний из стада

I

Прошла в скитаньях жизнь моя,
Но очень редко видел я,
Чтобы мужчина, полный сил,
Так безутешно слезы лил,
Как тот, какого повстречал
Я на кругах родной земли:
Он по дороге шел один,
И слезы горькие текли.
Он шел, не утирая слез,
И на плечах ягненка нес.

II

Своею слабостью смущен,
Стыдясь, отворотился он,
Не смея поглядеть в упор,
И рукавом глаза утер.
— Мой друг, — сказал я, — что с тобой?
О чем ты? Что тебя гнетет?
— Заставил плакать, добрый сэр,
Меня ягненок этот вот,
Последний, — с нынешнего дня
Нет больше стада у меня...